

Мя. Россия, 1985, Звезда, №22.

В МУЗЕЯХ СТРАНЫ

Держу лист, к которому прикасалась рука Пушкина...

Предварительно из шкафа достали большую серую папку с учетным номером КП 22327. Затем оттуда извлекли белый конверт. Из конверта — еще одну папку. Далее осторожно отложили в сторону «щит» из микалентной бумаги, обеспечивающей необходимый режим влажности. И наконец — драгоценный лист, естественно, законвертованный, чтобы не братья за рисунок руками...

Стремительные линии карандаша, а ниже — надпись: «Кюхельбекер, Рылеев 14 декабря 1825 года. Рисовал Александр Пушкин».

Рисунок возник, когда Александр Сергеевич, вернувшийся из шестилетней ссылки в Петербург, жадно слушал однажды рассказа своего старого товарища по «Зеленой лампе» Федора Юрьева (он и надписал лист) о восстании 14 декабря... Слушал — и под впечатлением этих слов тут же на бумаге возникали фигуры двух близких друзей, двух декабристов — такими, какими он представил их себе на Сенатской, такими, какими оба сохранились в памяти бывших там в то утро...

Да, в то морозное утро Кюхельбекера видели на площади без шубы, без шинели, в одном фраке, и его длинная, неуклюжая фигура, по воспоминаниям Александра Бестужева, всем бросалась в глаза. В руках Кюхельбекера были большой револьвер и жандармский палаш — поэт именно так его и нарисовал. И точность пушкинского изображения Рылеева на Сенатской подтверждается свидетельством декабриста Оболенского: «Глаза темные с выражением думы, голова немного наклонена вперед». Одежда Рылеева, видимо, воспроизведена тоже верно, ведь, по словам современника, в то утро на площади можно было увидеть «старинные фризозы шинели с множеством откидных воротников».

Эту удивительную возможность — прикоснуться к листу, который помнит руку поэта, предоставила мне в Мемориальном музее-Лицее заведующая сектором рукописей отдела фондов Редмона Георгиевна Жуйкова. Вообще-то все рукописи Пушкина, все его автографы бережно хранятся в Институте русской литературы Академии

наук СССР, названном Пушкинским Домом, и этот рисунок, этот подлинник поэта, — здесь единственный, потому что подарен известным ленинградским коллекционером Павлом Викентьевичем Губаром именно Лицею. Зато хранятся здесь, на втором этаже старинного здания, многочисленные документы, связанные с именами тех, кто вошел в нашу память прежде всего благодаря Пушкину...

В этих шкафах — письма Жуковского, Вяземского, Баратынского, Дмитриева... А вот — записка на французском, в конце которой значится: «Аннет Полторацкая» — она тогда еще не стала Анной Керн... А вот — письма Абрама Петровича Ганнибала, Афанасия Николаевича Гончарова, Павла Воиновича Нащокина, Михаила Федоровича Орлова... Причем многие листы еще только ждут своего исследователя. Например, тетрадь, переданная сюда Натальей Владимировной Штакеншнейдер — внучкой лицеиста Ивана Малиновского, к которому юный Пушкин когда-то обращался с такими словами:

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный...

Иван был старшим сыном первого директора Лицея Василия Федоровича Малиновского. Мне показали его тетрадь по французской риторике (еще никем не изученную!). Показали Свидетельство об окончании Царскосельского лицея с золотой медалью № 1 младшего из Малиновских, Андрея, подписанное Егором Энгельгардом 25 августа 1823 года. И наконец — тетрадь со стихами...

Тетрадь довольно толстая — девяносто четыре страницы. На ветхой обложке — изображение сердца, пронзенного стрелами, а в центре — дата: «1824». На голубых и белых листах — стихи. Старинные коричневые чернила. Почерк красивый, несколько вычурный. Есть строки Державина, Жуковского, Рылеева, но больше всего — Пушкина. В основном лицейские стихи. Причем абсолютное большинство из них к тому времени еще не было опубликовано. Например, стихи 1815 года «К живописцу» (здесь они названы «Живописцу»):

Дитя харит
и вдохновенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью
наслажденья
Мне друга сердца напиши;

«Мои мечты благослови!..»

ЗАГАДКИ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Красу невинности прелестной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Известно, что эти строки были обращены к другу, талантливому рисовальщику Алексею Илличевскому, а посвящены — Катеньке Бакуниной, одной из тех, кто пленял сердца лицеистов. Недаром, положенные на музыку, они постоянно звучали в этих стенах...

Или стихи 1816 года «Элегия» (здесь они названы «Жалоба»):

Счастлив, кто в страсти
сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет...

Или другие из той же поры — «К Морфею», поименованные в тетради «К сну»:

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви,
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!..

Листаю тетрадь — и страница за страницей открываются известные юношеские стихи поэта, стихи о любви: «Желание», «Дорида», «Платоническая любовь»...

Правда, их названия в тетради, да и некоторые строки, синтаксис порой отличаются от того, что мы знаем сегодня. Впрочем, могло ли быть иначе? Ведь все это еще только ждало своей публикации, а пока что передавалось из уст в уста, широко расходилось в рукописных списках, и ошибки при этом были весьма естественны...

Особенно убеждаешься в справедливости подобного предположения, знакомясь с небольшим отрывком из «Евгения Онегина». Да, владельца тетради явно волновало и то, что писал его друг и после Лицея (поэтому есть здесь и «Черная шаль», и «Братья разбойники»). Так вот, в ноябре 1824 года из Михайловского в Петербург приехал младший брат поэта, Левушка, с рукописью первой главы «Онегина». Левушка, известно, всегда отличался феноменальной памятью, поэмы брата читал друзьям наизусть чуть ли не целиком — вероятно, и эти онегинские строки оказались в тетради

Пушкиниана

«Ар»

именно после такого чтения. Во всяком случае, воспринятые на слух, они несколько искажены. (К примеру, у Пушкина о танце Истоминой: «...И быстрой ножкой ножку бьет». Здесь: «...То быстро ножку ножкой бьет».)

Есть в тетради и стихи безымянные. Вот «Надпись к портрету Карамзина»:

Поклявшись быть рабом
пред самовластия урной,
Сумел он ясно доказать,
Что можно думать
очень душно
И очень хорошо писать.

Трудно утверждать, что это написано именно Пушкиным, особенно — зная его блистательную эпиграмму, адресованную автору «Истории государства Российского»:

В его «Истории»
изящность, простота
Доказывают нам,
без всякого пристрастья,
Необходимость самовластия
И прелести мнута,

Однако в свое время вышеприведенные строки без достаточного на то основания приписывались Александру Сергеевичу. Во всяком случае пока что ясно одно: эпиграмма возникла на волне настроений, которые разделяли и декабристы, и Пушкин.

И остальные питомцы Лицея в своем большинстве тоже стояли на тех же благородных позициях — вот почему, в частности, они сохранили верность своему гениальному другу юности на всю жизнь. Не случайно же в последние свои часы Александр Сергеевич, по воспоминанию Данзаса, «глубоко вздохнув, сказал: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пуцина, ни Малиновского, мне бы легче было умереть».

Тетрадь, которую сейчас бережно листаю, — след этой дружбы, еще одно свидетельство лицейского братства... Она еще ждет своего часа. Она еще наверняка таит в себе открытия. Особенно верится в это сегодня, когда мы справляем 186-ю годовщину со дня рождения Александра Сергеевича, когда люди снова придут в царскосельский парк, чтобы остаться наедине с Пушкиным...

Лев СИДОРОВСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

Книжная
графика

Н. КУЗЬМИН.
«В садах
Лицея».
1933.

